ДВУЯЗЫЧИЕ И БЮРОКРАТИЗМ

Исторический опыт народов подтверждает, что развитие национальной культуры и быстрое достижение ею высокого уровня осуществляется при условии разностороннего межнационального взаимообмена опытом, и одновременно при условии продолжения национальных традиций, а главное — бережного сохранения автономии основных средств культуры (свободного общественно полезного труда, языка, исторической памяти: то есть тех средств, без которых культура вообще не возникает и существовать не может). Эта схема закономерности так называемого ускоренного развития культуры, или «ускорения», впервые исследована и предложена еще в 1915 году классиком белорусской поэзии М.Богдановичем применительно к литературе национально-возрождающегося народа. Однако эта закономерность характерна вообще для эволюции национальных культур.

Двуязычие имеет свои сильные положительные стороны главным образом для высокообразованной части населения. Но в таком важном вопросе, который непосредственно и существенно касается судеб людей, народов, культур, решающую сущностную роль должны играть не положительные, а отрицательные моменты. И если они все же есть, если они достаточно серьезны –– от эксперимента следует отказаться, как от опасного негодного лекарства, ибо объектом такого опыта является не машина, не бездушный механизм, не дерево, а человек. (...)

Двуязычие в расчетах бюрократии — это метод давления на национальную культуру, средство подрыва ее единого консолидирующего начала, «разоружения» перед лицом ассимиляции в интересах единого бюрократического государства. Если представить, что с бюрократией каким-либо чудесным образом вдруг покончено, то вопрос о введении двуязычия для народов СССР вообще не стоял бы ввиду отсутствия социальной силы, заинтересованной в монопольном владении авторитарной властью. Существование и свободное развитие национальных культур создает демократическую обстановку в обществе и само является результатом этой

обстановки, зависимо от уровня демок-ратизации. Управлять такой страной (тем более бюрократическими методами) бюрократии сложно. Она стремится к упрощению, к «механизации» отношений, к полному подавлению демократических начал и автономий национальных культур, демонстрируя при этом изощренные демагогические приемы, способные ввести в заблуждение и обмануть массы. (...) Не следует забывать об агрессивности и особой психологии советской бюрократии. У нее другая шкала ценностей. Народы, личность, национальная культура... — в чиновничьем понимании это пережитки, ибо объективно по своей социальной и психологической сущности, несмотря на якобы патриотические речи, бюрократия космополитична (отсюда и космополитическая трактовка понятия интернационализма) и глубоко враждебна всякому творческому, духовному спонтанному развитию любой культуры, в том числе и культуры собственного народа. Это очень хорошо видно на примере отношения к памятникам национальной истории и, в частности, русской истории, подвергшимся бюрократическому опустошению ничуть не меньше, чем памятники других народов.

Бюрократия стремится контролировать демократическую духовную культуру, подкупить ее, чтобы влиять, руководить и, наконец, задавить и создать суррогат, имитацию духовной культуры. Она бюрократии не нужна и вредна. Ибо демократическая и духовная культура (напомню, что «культуры вообще» не бывает, она существует в национальных особенностях и форме) — это та среда, в которой вырастает человек-личность, человек-творец, который внутренне свободен. Бюрократическая же система общественных отношений и синтезированные в ней ценности благоприятствуют вырастанию человека-функционера, в сущности своей холуя, лишенного свободы и творчества. Он необходим бюрократической машине власти как спица в колесе, является своеобразным «селекционным заказом» бюрократии, способным существовать в мертвом мире бюрократических взаимоотношений. Кризис наступает тогда, когда образуется социальное общество функционеров. Тогда начинается застой, ибо мертвый, бездушный организм сам по себе не движется. Мы еще переживаем такой кризис. В нем отражено основное

антагонистическое противоречие бюрократизма — между чиновничьим самовластием и народным самовыражением.

Стремление к безраздельной бюрократической власти породило, казалось бы, взаимоисключающие тенденции: космополитизм по отношению к любой культуре и «языковой шовинизм». Но это кажущееся противоречие. Шовинизм и космополитизм солидарны и мирно сожительствуют в бюрократизме, проявляясь то одной, то другой стороной в зависимости от обстоятельств и требований момента. Язык бюрократия рассматривает только с точки зрения его коммуникативной функции связи, но отнюдь не как средство культуры. Язык ей необходим только как единый унифицированный механизм сообщения, обеспечивающий удобное функционирование власти (а не развития культуры). То есть, ей нужен тот «единый государственный язык», политическую реакционную сущность которого применительно к многонациональному государству критиковал и отвергал В.И.Ленин.

Именно потому, что бюрократия исходит не из культурного, а только из коммуникативного качества языка, словарный запас ее речи ограничен, частотность непропорциональна, употребление понятий неадекватно, выражение мыслей примитивно, интеллигентность произношения низка. Стремление к удобной схематизации жизненных отношений отражается и на языке. Бюрократия стремится приспособить его к обслуживанию только своих интересов, создавая тем самым своеобразный жаргон, являющийся жалкой пародией на национальный язык.

В государстве, где мнение бюрократии доминирует, происходит сильное влияние чиновничьего языка (поскольку бюрократия выступает одновременно и в роли социальной элиты) на все стратиграфические пласты употребления национальной речи. Неадекватно употребляемая военная лексика (здесь и «трудовой фронт», «торпедирование вопроса», и «бой за урожай», и «выступление единым фронтом», и «на вахте», «на платформе» и т.д.), вычурные фразеологизмы, громоздкие грамматические конструкции, странные даже в

русской речи, успешно и в первую очередь проникают в другие национальные языки, деформируют их структуру и, несмотря на отличие в звучании (а иногда и без этого отличия), создают общую понятийную основу для восприятия единого жаргона своеобразного бюрократического пиджин-языка. Двуязычие, так как его понимает бюрократия, может только ускорить этот процесс. Суть положения не только в том, что ведение двуязычия научно необоснованно, а в том, что оно обусловлено классовым стремлением правящей бюрократии к утверждению повсеместно единого государственного языка. (Да, я не оговорился, именно «классовым» стремлением. Но об этом ниже.)

Обратимся же кратко к истории вопроса. «Надо ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в национальных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно, — писал В.И.Ленин в работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации». — Нет сомнения, что под предлогом единства железнодорожной службы, единства фискального и т.п. у нас, при современном нашем аппарате, будет проникать масса злоупотреблений истинно русского свойства. Для борьбы с этими злоупотреблениями необходима особая изобретательность, не говоря уже об особой искренности тех, которые за такую работу возьмутся. Тут потребуется детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике». Именно на таких принципах языковой политики создавался Союз Советских Социалистических Республик и развивалась культура народов в 1920-х годах. Избавлялись от великодержавных пережитков прошлого, возрождали демократическую и строили социалистическую национальную культуру и прежде всего повсеместно утверждали ранее угнетенный свой язык.

Учтем, что В.И.Ленин, требуя «строжайших правил», не сомневается в злоупотреблениях «при современном нашем аппарате». Разговор идет о бюрократическом аппарате управления начала 1920-х годов, который, по оценке В.И.Ленина, был полностью «заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром». «Мы должны по

совести сказать обратное, — писал В.И.Ленин в указанной выше работе, — что мы называем своим аппарат, который на самом деле насквозь еще чужд нам и представляет собой буржуазную и царскую мешанину... При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке»...

Революция сломала старую государственную власть — эту, по словам Ленина, машину для угнетения одного класса другим. Но оставила мотор, двигатель этой машины — управленческий аппарат, перестройка которого в связи со смертью Ленина и отказом от развития демократических принципов управления была брошена на полпути. Набрав обороты, двигатель смоделировал и новую систему машины власти, которая, естественно, исходила из принципов работы этого двигателя. Машина стала работать сама на себя. Отсюда родственная преемственность между старой и новой бюрократией и тождественность многих отношений, которым мы не перестаем удивляться, в том числе и в национальном вопросе.Но вот что характерно. Если в сфере господства частной собственности бюрократия объективно зависима от правящего класса и ее господство (власть) имеют служебную функцию, то в условиях общественной собственности на средства производства, регулирование которой осуществляет государство, бюрократия, подчинив себе государственную власть, получает доступ к самостоятельному потреблению и распределению общественных благ и продуктов общественного труда, а также к средствам производства и общественной организации труда. То есть в распоряжении бюрократии оказались классовые ценности рабочих и крестьян. На этом этапе, достигнув абсолютной власти в обществе (повторяем, где ликвидированы эксплуататорские классы и обобществлены средства производства через посредство государства), бюрократия выступает как паразитический класс. При этом она

заинтересована в укреплении своей власти путем уничтожения эксплуататорских классов и утверждения общественной собственности на средства производства, а также путем коренного социалистического преобразования экономики, создания необходимых социально-политических, культурных и духовных предпосылок для достижения социальной однородности общества.

Нетрудно заметить, что основные политические цели и задачи бюрократии, рабочего класса и социализма совпадают. Но они совпадают ровно настолько, насколько совпадают интересы человека и вши, которая его ест, или человека и солитера, который живет его пищей. Всякий паразит биологически заинтересован в своей питательной среде, в том, чтобы его жертва тоже питалась, жила и чем больше, тем лучше. Достоверно известно, что во времена бюрократического абсолютизма Сталина он и его окружение смутно представляли себе цену деньгам, так как жили за счет государства. Деньги им были, в сущности, не нужны. Все блага давала власть. Именно в это время сформировались такие явления, как чиновничья номенклатура и непогрешимость, кастовая психология, спецобеспечение и другие привилегии. Отсюда легко понять, почему таинственность, сокрытие и подавление правды, гласности, демагогия и ложь стали средством существования бюрократизма, а сущностью бюрократической работы — имитация деятельности. Это вытекает из особых отношений в среде узурпированной власти, обусловлено социальным паразитизмом бюрократии на труде всего общества, паразитизмом, который и определяет ее общественное поведение. Конечно, бюрократ тоже работает. Но суть в том, как метко сказал кто-то из писателей, что чиновник работает для чиновника, а не для дела.

Попытки ограничить бюрократический абсолютизм во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов, восстановить права народа, раскрепостить мысль, осуждение преступлений периода культа личности Сталина не имели продолжения. В семидесятые годы стало очевидно, что в новых условиях в обществе вырос такой социальный монстр, такое тысячеглавое бюрократическое чудовище, которое в состоянии развратить,

пережевать и полностью сожрать все — культурное наследие, традиции, идеологию, интеллигенцию, мораль, национальные языки, природные богатства, экономику и даже социализм.

По своей социальной сущности бюрократия являет типичную мелкобуржуазную психологию и мелкобуржуазную революционность, ту революционность, которую обычно выявлял, по словам В.И.Ленина, взбесившийся от эксплуатации и ужасов капитализма мелкий буржуа. Такого же рода «революционность» делала агрессивным бюрократа, загипнотизированного страхом террора 1930-х — начала 1950-х годов. (Способ спасения от репрессий — продемонстрировать «революционную» бдительность.) Когда же гипноз развеялся, оказалось, что бюрократия сама не против пожить «по-буржуазному» — и сыто, и красиво, и богато, и с комфортом. Коррупция, паразитизм в среде аппарата власти достигли небывалых размеров. Как зеркальное отражение гниения бюрократии распространились общественные болезни среди народа — потребительство, приспособленчество, спекуляция, взяточничество, разворовывание общественного имущества, низко пала мораль, катастрофически распространились пьянство, алкоголизм, наркомания, проституция, почти без препятствия растет массовая культура, массовое сознание.

Произошло перерождение отдельных руководителей, — можно услышать теперь. В действительности никакого перерождения не произошло. Просто в иных общественных условиях мы видим проявление типичной мелкобуржуазной сущности бюрократии. Переменятся обстоятельства — изменится и поведение. Бюрократия — это феникс и хамелеон одновременно. Сейчас, после некоторого замешательства, она уже уверенно говорит о «перестройке», имитирует «демократические» перемены и далее борется с... «бюрократизмом», а в целом довольно ощутимо владеет ситуацией. Такое положение можно объяснить тем, что проводимая политика реформ, именуемая перестройкой, исходит прежде всего из кризисной, но отнюдь не революционной обстановки. Однако для проведения реформ в жизнь необходимы действительно революционное сознание, общественный энтузиазм и революционная демократическая

власть. Впрочем, решающее слово должна сказать экономика (...)

Антиподом бюрократизма является демократизм. Первым и главным вопросом всякой подлинной политики демократизации общества, который необходимо решить, является создание реальных гарантированных условий для свободного существования и развития национальных культур, для развития наций в целом. Пока этот вопрос не поставлен (особенно в такой многонациональной стране, как СССР), пока он демократически не решен — серьезно говорить о развертывании демократизации нет оснований. Важнейшим же условием нормального существования национальной культуры является свободное и всеобщее развитие национального языка, обеспечение его исконных прав на национальной территории. Именно судьба языка больше всего беспокоит сейчас национальную интеллигенцию. Аппаратчики стремятся замолчать суть языковой проблемы. Там, где позиции национального языка уже ослаблены настолько, что употребление его создает препятствия для социального продвижения в обществе, в системе управления, бюрократический функционер сознательно отказывается от него и паразитирует на русском языке. Здесь он творит одно из самых своих черных дел — становится могильщиком родного национального языка, проводником бюрократического великодержавного шовинизма и русификации. В этот период произрастает такое отвратительное реакционное явление, как национальный нигилизм — отречение от национальных традиций и охаивание культурных ценностей собственного народа, прежде всего быта, истории и. языка. (...)

Научные исследования всей совокупности проблем билингвизма крайне необходимы, так же как и учет зарубежного опыта. Однако в условиях засилия бюрократизма (а мы от этого засилия, будем искренни, еще не избавились и неизвестно, когда избавимся) не менее важным является представление о социально-политической стороне проблемы. Выяснению этого аспекта и посвящены предлагаемые заметки. Но побудило их написать другое обстоятельство. Бюрократически мыслящий человек доверяет научным аргументам постольку, поскольку

указано им доверять или поскольку это необходимо по его политическим, идеологическим и другим соображениям. В противном случае он требует конкретных доказательств (в надежде,что их не будет, а если будут, тогда он подумает, как ими распорядиться). Лучшим доказательством теории, как известно, является практика. К счастью, точнее к великому нашему несчастью, таких доказательств более чем достаточно. (...) Рассмотрим некоторые из них на примере Белорусской ССР. Белорусская культура имеет высокоразвитую древнюю основу более чем тысячелетней давности, зафиксированную в языке, истории, памятниках архитектуры, письменности и городах. Расцвет белорусской культуры в XV—XVII веках был одновременно и расцветом белорусского языка, который являлся официальным государственным языком в общем для белорусского и литовского народов государстве — Великом Княжестве Литовском. На этом языке написаны памятники государственного права, государственная метрика, древняя литература, первые среди восточных славян печатные книги (1517г.). В это время белорусский язык и в целом народ сыграли большую роль в передаче западных гуманистических традиций культуры на восток, в русское государство. Однако времена изменились, белорусский и литовский народы потеряли свою государственность, и в конце XVIII века оказались в составе царской России. В XIX веке белорусский язык был запрещен и подвержен жестоким гонениям. Национальное возрождение началось во второй половине XIX века. Но только после революции и создания советской республики белорусский язык был возрожден и вновь обрел государственное значение. Репрессии 1930-х годов были невиданными в истории. Уничтожено большинство национальной интеллигенции. Белорусский язык начинают снова изгонять из государственной и общественной жизни. После войны, во время которой белорусский народ потерял почти два с половиной миллиона человек и внес ощутимый вклад в победу над фашизмом, он стал бессловесной жертвой сталинской кадровой политики, которая заключалась в том, что поскольку-де республика была под оккупацией, на руководящие государственные, партийные и административные посты в Белоруссии назначались и присылались передвиженцы главным образом из внутренних и восточных областей РСФСР. Образовался плотный

бюрократический слой, не проявлявший ни малейшего интереса ни к белорусскому языку, ни к культуре. Этим были созданы условия и среда принудительного двуязычия. Преобразование белорусских школ в русские исходило сначала из необходимости обучать детей новой бюрократии, которая не хотела учиться белорусскому языку, а потом объяснялось «интернационалистским долгом», «сближением наций», «братской любовью» и прочим. Эта политика претворялась в жизнь очень целенаправленно и последовательно, часто не брезгуя никакими средствами для достижения цели, собрав в ведомстве народного образования уникальные образцы махрового бюрократизма. Все это привело к катастрофическому состоянию национальной культуры, иллюстрирующему на практике разрушительную силу принудительного билингвизма.

К середине 1970-х годов, через 40 лет после начала «лингвистического эксперимента», во всех белорусских городах (а их в республике 95) и почти во всех районных центрах (117) не осталось ни одной белорусскоязычной школы и ни одного белорусскоязычного детского сада. Закрываются белорусские школы в некоторых местечках и даже деревнях. В полутора-миллионном Минске по сегодняшний день все школы только русские. При этом доля городского населения белорусской национальности составляет в республике 71,5 процента, а доля всего белорусского населения — около 80 процентов (данные на 1979 год). Прекращается преподавание белорусского языка в русских школах как предмета. Впоследствии, правда, учитывая возмущение части интеллигенции, преподавание белорусского языка было восстановлено, но от его изучения ученик мог быть освобожден по желанию родителей или по медицинской справке, свидетельствующей, что по состоянию здоровья ребенку противопоказано заниматься белорусским языком. От русского языка или от геометрии по справкам, естественно, не освобождали. За все послевоенные десятилетия в республике не подготовлено ни одного учителя для белорусскоязычной школы. Преподавание во всех вузах Белоруссии, техникумах, училищах ведется только на русском языке. Все делопроизводство, от колхозной канцелярии до правительственного учреждения, ведется в республике только на русском языке. Вся реклама, все объявления, указатели,

вывески, таблички, плакаты и другие общественнообозримые надписи создаются в Белоруссии (за исключением частично Минска) только на русском языке. Все надписи на промышленных и потребительских товарах делаются по-русски и т.д. Сфера белорусского письма частично сохранилась в прессе. На белорусском языке издается еще 6 республиканских газет из 11 (но общий тираж их в десять раз меньше, чем русских), 4 областные из 6 и большинство районных. На белорусском языке выходит несколько литературных и общественно-политических журналов, издается художественная литература (4,7 проц. печатных листов-оттисков, остальные 95,3 проц. на русском языке; данные на 1984 год). Такова «видимая» обстановка с белорусским языком. Теперь о «слышимой». Здесь изменения более катастрофичны, ибо затрагивают сущностные пласты национальной культуры. Белорусская речь звучит в белорусских программах радио и телевидения, в общении между писателями, частично между журналистами и отчасти в среде творческой и научной (гуманитарной) интеллигенции и студентов. На белорусском языке общается менее трети коренного населения. Это в основном люди старше 35-40 лет в сельской местности. Где-то около 10 процентов белорусов говорят на характерном русском пиджин-языке с обедненным словарным составом, грамматикой, с белорусской мелодикой и ритмикой в речи и характерными фонетическими особенностями. И только часть из этой группы хорошо владеет русским языком (но не знает притом родного белорусского). Самая большая группа белорусского населения республики (50-60 процентов) разговаривает на креолизованном (смешанном) русско-белорусском «полуязыке» (В Белоруссии его называют «трасянка», что в буквальном переводе означает «смесь сена и соломы».) Полуязык, «трасянка»— главная причина ограниченного культурного уровня. Поэтому область его распространения — средние и нижние стратиграфические социальные слои. Общественная локализация этого полуязыка, в свою очередь, обеспечивает воспроизводство и социальную устойчивость «трасянки», а следовательно, и низкого уровня духовной культуры, которая в целом обнаруживает здесь тенденцию к дальнейшему понижению. Создалась ситуация, когда причина и следствие

бескультурья связаны неразрывно, то есть причина (полуязык) выступает следствием, а следствие причиной.

Полуязычие значительной части населения Белоруссии крайне губительно сказывается на развитии культуры. И дело не только в том, что умственная энергия народа теряется и не получает развития. Печальная практика Белоруссии, пожинающей плевелы принудительного двуязычия, контрастно осветила скрытые западни бюрократически понятого билингвизма. И прежде всего ту аксиому, что человек не может одновременно развиваться и существовать в двух культурах. Личность не получает полноценного духовного развития. Полуязычное население республики, в массе своей индифферентно и к русской, и к белорусской культуре, плохо ориентируется в этих культурах. Полуязычный индивидуум не чувствует тонкостей духовных связей (что, кстати, заключено в языке и выражается посредством речи), плохо мыслит абстрактными понятиями, зачастую не может теоретически осмыслить явление, а если и понимает более сложные отношения, не может их выразить и внятно объяснить собеседнику. Начинается мучительный подбор слов, запинание на каждой плохо согласованной фразе. Не патологическое «заикание», а запинание как результат неразвитых способностей оперировать понятиями и невладение системной структурой языка (в «полуязыке» ведь единой структуры нет). Казалось бы, парадокс: любой эстонский или латышский рабочий, колхозник, служащий, воспитанный с детства в одноязычной среде, плохо говорящий по-русски, тем не менее умеет на этом языке гораздо более четко, последовательнее и короче по времени изложить свои мысли и построить речь, чем такой же, но полуязычный рабочий, колхозник, служащий белорус, говорящий, казалось бы, сразу на двух языках. Впрочем, то же в значительной степени относится и к белорусам, разговаривающим на русском пиджин-языке. Чтобы убедиться в этом, достаточно определенное время послушать записи различных интервью по союзному, белорусскому и другому республиканскому радио.

Полуязычное существование приостанавливает внутренний спонтанный процесс развития культуры, так как тормозит

национальное самопознание (идентификацию) личности, своего общественного, культурного и духовного «Я». Но способность к потреблению культуры при этом остается. Только она, эта способность, меняет ориентацию с внутренней на внешнюю среду, с активной позиции на пассивную. В результате возникают условия для развития и потребления массовой культуры, эрзаца, суррогата, имитации духовных ценностей. Мы уже наблюдаем это явление.

Какой урон нации приносит полуязычие и дестабилизация языковой ситуации в Белорусской республике, никто не считал. Бюрократия называет такое положение «развитым двуязычием» и «великим завоеванием национальной политики». Но достаточно сравнить разные культурные позиции нашей якобы «двуязычной» республики с аналогичными позициями, например, Эстонии или Латвии, как сразу же увидим разницу во множество порядков. Выясняется, что отдельные аспекты культурной жизни вообще отсутствуют в Белоруссии или находятся в плачевном состоянии. Экономические же показатели и в Белоруссии, и в прибалтийских республиках примерно равны. Это успокаивает бюрократию.

Отношение к национальному языку исходит из факта признания самоопределения народа. Если признается народ — признается и его язык, ибо без языка нет народа. Поэтому все манипуляции с национальным языком, призванные якобы регламентировать, а на деле ограничить его употребление в национальных республиках, есть проявление политической фальши бюрократизма по отношению к народам, фальши, на которую четко указывал В.И.Ленин, отрицая любые привилегии для любого языка в многонациональной России и требуя одновременно введения «строжайших правил» относительно употребления национального языка в республиках. Каждый национальный язык должен владеть полным, всеобщим и приоритетным правом на своей национальной территории. В противном случае надо признать, что государственный, национальный, культурный суверенитет республик, право на выход из Союза и другие революционные завоевания являются «пустой бумажкой» и борьбу за эти первоочередные ценности народов нужно начинать сначала.

Естественно, в каждой союзной (автономной) республике (в том числе и в РСФСР) необходимо учитывать интересы представителей других республик, проживающих на ее территории (образование, культурные объединения, печатные издания и т.д.). Но совершенно нельзя согласиться с бюрократическим требованием особого отношения, а фактически привилегий для русского языка в ущерб национальному в национальных республиках, исходящим из того, что он является языком «межнационального общения». Ведь именно потому, что русский язык стал языком «межнационального общения», он находится в гораздо более выгодном положении, чем любой другой язык в СССР. В создавшемся положении уместно заботиться о компенсации национальным языкам, а не о привилегиях великому русскому языку, которому ничто не угрожает.

Вспоминаются 1920-е годы. Когда, например, Горы-Горецкий земледельческий институт был преобразован в Белорусскую сельскохозяйственную академию, туда пригласили ленинградскую профессуру, ибо своих кадров не хватало. Ленинградские ученые быстро изучили белорусский язык и приступили к чтению лекций по-белорусски. Тогда даже мыслей не возникало, что может быть иначе, ведь это была союзная республика, где все преподавание в вузах, все делопроизводство велось на белорусском языке. Разве мог тогда образованный русский интеллигент позволить себе не уважать, не знать язык народа, который пригласил его к себе. Теперь неуважение к белорусскому языку стало обычным явлением. И дело не столько в девальвации образованности и интеллигентности. В 1920-е годы еще не сложилась эта особая, отравляющая общество психология бюрократических отношений, делающая из образования не средство культуры, а орудие бюрократизма... (...)

«Радуга», Таллинн, 1988, №4